

Гуторова Анастасия

РЕЦЕПТ НАС

УДК 82-3
ББК 84-4
Г97

Г97 **Гуторова А.**
Рецепт нас / Гуторова Анастасия – М.: Литнет, 2026. – 398 с.

ISBN 978-5-521-94928-1

Знаете, что получится, если смешать одного зануду-миллионера, немного горячего перчика Чили (это я) и щепотку холодной мести? Взрывной коктейль под названием «Рецепт нас». Всё пошло наперекосяк из-за дурацкого пари: мне — вернуть доброе имя его компании, ему — выполнить 31 мой каприз. С одним условием: откажется хотя бы от одного — женится на мне. В розовом цилиндре. Со стразами. Держу пари, он не выдержит и трёх. Венчики вверх!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94928-1

© Литнет, 2026
© А. Гуторова, 2026

Рецепт нас

Меня зовут Айви Патель, и... я до сих пор не верю, что сейчас в моей кровати мирно посапывает Сет Эванс. Вам, наверное, интересно, как мы оказались вместе? В голове сразу всплывают слова из популярного видео: «Как я докатился до жизни такой...».

Но мы не докатились. Мы пронеслись на всех скоростях – через виражи наших ссор, когда в стену летела посуда... И через примирения, когда он рвал с меня одежду быстрее, чем я успевала прошептать «ненавижу».

Наши отношения – как гоночный трек. Я всегда жму на газ до упора, пока двигатель не взрвёт, а он методично просчитывает каждый поворот. Сет называет меня «Шумахер в кружевном», когда я врываюсь в его идеально спланированный день. Я же зову его «Черепашой в Brioni» – если он делает что-то неожиданное, а это выглядит чертовски элегантно.

Он – моя солёная карамель. Когда обжигает – кричу, когда остывает – требую добавки. Вчерашний вечер – тому доказательство. Швырнув мою туфлю в угол с привычным: «Ты невыносима!», он уже через десять минут демонстрировал свои методы воспитания... Ну, вы поняли.

Итак, венчики вверх – мы начинаем!

Глава 1

Десерт: «Миндальные зубки»

Любая приличная кулинарная книга начинается с закусок. А кто сказал, что я приличная? Правила созданы, чтобы их нарушать. Особенно чужие.

Ингредиенты: щепотка детской ненависти (ровно столько, сколько помещалось в моих зубах), одна лопатка французского шарма (спасибо, мама), горсть его «правильных» реплик («Никакого воспитания!»).

Эту фразу семилетний Сет бросил в наш первый «семейный ужин» – если, конечно, можно так назвать тот хаос, где я, двухлетняя обезьянка в кружевном платье, впиалась зубами в его брата.

Наши родители познакомились на вечеринках в Челси, но вскоре их тусовки превратились в домашние посиделки: я с Алфи ползала под столом, а Сет сидел на стуле, как маленький лорд, с салфеткой на коленях.

Саму сцену я не помню, но отец, Бернард Патель, обожал рассказывать её на коктейльных вечеринках.

– Моя принцесса кусает его за палец. Тишина. Все смотрят друг на друга. И тут громкий крик: «Уберите этот ужас!» – папа мастерски передразнивал Сета, и гости дружно смеялись.

Так началась наша «неприязнь».

Я ещё не умела толком говорить, но уже прекрасно изучила науку раздражения Сета Эванса: впивалась молочными зубками в его руку; просилась только к нему на ручки; пускала слюни на его идеальные туфли. Все взрослые умилялись: «*Ой, смотрите, она его обожает!*» А его густые ресницы дёргались, будто крошечные

метрономы, отсчитывающие мой уровень невыносимости. Только Сет не считал меня милой.

«Мелкая проблема» – лучший комплимент, какой только могла получить маленькая разрушительница в подгузниках.

Возможно, поэтому, когда я пыталась звать его, у меня получалось что-то среднее между «ми-и-и-ля-я» и «ми-ня-ль». Его отец тогда перевёл мой лепет в слово «миндаль». Гениально! Сет и правда был как тот орех в шоколаде: снаружи безупречный мальчик в пиджаке *Brooks Brothers* (да, в семь лет), а внутри – твёрдый, с горчинкой.

Вскоре у нас появились официальные титулы:

– У тебя не дочь, а пиранья, – заявлял Дилан Эванс, вытирая с лица брызги шампанского после моих очередных «зубных» выходов.

– Зато ваш сын – ходячий учебник этикета, – парировал мой отец.

Прошло двадцать пять лет. «Учебник этикета» до сих пор пытается меня перевоспитывать. Но теперь, когда его «пиранья» пускает в ход зубки, в его глазах читается уже не раздражение, а жгучее желание «кусай меня дальше»...

В четыре года мы внезапно переехали жить в Биарриц. Официально – бабушке «стало плохо». Неофициально – мама (Одетт Патель, парижанка до кончиков ресниц) заявила, что её коже срочно необходим «морской воздух».

Отец даже не спорил – он уже давно понял, что перечить маме бесполезно, когда в её глазах загорается тот самый «парижский огонёк», но свою мебельную империю в Лондоне никому не доверял. В тридцатиградусную жару он валялся на пляже в пиджаке, потягивал лимонад и ворошил кипы контрактов, выискивая каждую неточность.

Я унаследовала от отца ямочки на щеках и его фирменную хватку – только если он сжимал деловые контракты, то я вцеплялась в жизнь так, будто это последняя бриошь в буфете. (Сет до сих пор пытается вырвать у меня штурвал, однако он так и не понял, с каким перчиком связался).

Французский шарм (или как разозлить англичанина)

Биарриц пах жареными каштанами и беззаботным детством. До шести лет я бегала босиком по песку, пока меня не отправили в школу Виктора Дюрюи. Эта тюрьма для юных леди учила меня есть улиток вилкой (абсурд) и сидеть с прямой спиной (явное нарушение прав человека).

Лето начиналось с приезда Эвансов. Алфи сразу бросался в песочные войны, а Сет был особым случаем. В тринадцать он расхаживал по пляжу в рубашке (точная копия папиного дресс-кода) с книгой о биржах под мышкой и выражением лица, будто его вот-вот стошнит от нашего веселья.

– Построй песочный замок! – командовала я.

Если отказывался – хватала свою розовую лопатку и орала так, что отдыхающие оборачивались. Его лицо было как учебник по мимике: сначала брови поднимались к волосам («Она не шутит?»), потом ноздри расширялись, как у разъярённого жеребца («Я не лопатка!»), и, наконец, наступала капитуляция с вздохом и медленным опусканием на колени. И вот он уже роет песок с важностью архитектора, строящего секретный объект для особо капризного клиента.

– Маленькая разрушительница, – ворчал он, когда Алфи (предатель) швырял в него медузой и визжал: «*Это Айви!*». Однако всегда достраивал последнюю башенку, даже если уже собирался уходить.

Он делал вид, что мы ему безразличны, но, когда я, обмазанная кремом до ушей, подбегала к нему, он доставал платок и вытирал мне лицо. А если сильно злилась за его серьёзность, я специально пачкала ему рубашку. Я мечтала увидеть, как этот маленький джентльмен наконец сбросит проклятый галстук и полезет в воду вместе с нами.

Но нет. Даже бутерброды Сет ел медленно, разбирая на компоненты, тогда как мы с Алфи устраивали пищевой марафон «Кто быстрее засунет его в рот».

В тот последний вечер мы втроём сидели на пляже, обжигая

пальцы о только что пожаренные креветки. Сет нервно крутил пуговицу на манжете – это была его привычка, когда он изображал нашу «няню».

– Мой принц будет пахнуть морем и дымом от костра, – заявила я, разглядывая его. – И носить выглаженные рубашки только для того, чтобы я могла их мять.

Сет фыркнул, отряхивая несуществующую пылинку с рукава:

– Твой принц даже близко не подойдёт. От тебя пахнет тинной и дурными манерами.

Вместо ответа я впилась зубами в его плечо. Он даже не дрогнул, но сжал моё запястье так, что по коже побежали мурашки. Я не отпустила.

– Фурия! – он резко вскочил, рассыпав остатки креветок. Песок хрустнул под его ботинками, когда он уходил, оставив за собой лишь облако золотистой пыли – наша версия хлопнувшей двери.

Мы с Алфи переглянулись, синхронно помахали ему вслед (как делали всегда) и снова уставились на горизонт. Солнце медленно тонуло в воде, растекаясь, словно апельсиновый джем по горячему тосту.

На следующий год песочные замки остались без своего архитектора – Сета отправили в Хэрроу (потому что «настоящие джентльмены должны учиться среди себе подобных», как объяснил его отец за стаканом виски моим родителям). Видимо, мой фирменный аромат – «Тина с нотками дерзости» – не входил в учебную программу будущего магната.

Я сделала вид, что не расстроилась. С Алфи было веселее – он хотя бы смеялся, когда я засовывала улиток ему за шиворот. Мы стали идеальными партнёрами по преступлениям: воровали бриоши так виртуозно, что даже Роже – наш шеф-повар, мстивший миру за обезжиренные диеты, – начал оставлять на столе «доказательства»: две тёплые булочки с явно избыточным количеством шоколада (по его меркам «триста грамм вместо ста» – акт милосердия).

Но даже наши набег на кухню перестали радовать, когда бабушка улетела на сахарной вате к небесам (так мне объяснили смерть). Папа тогда решил, что хватит жить на две страны.

Мама тогда устроила прощальный спектакль по всем канонам французского театра: с драматическими вздохами, монологами о «потерянном солнце» и подругами, которые за бокалами шампанского причитали: *«Бедная Одетт, как твоя кожа перенесёт эту ужасную английскую сырость?»*

Роже мгновенно переметнулся на её сторону (мама пообещала ему двойную дозу драмы и тройную – сливочного масла). Каждое утро он выводил на папиных тостах грустный смайлик, а его бриоши внезапно стали солёными. Но папа лишь пожимал плечами, разрезая тост с улыбкой – он-то знал, что любовь, как идеальный соус бешамель: без комочков. А Бернард Патель терпеть не мог комочки. Как и я.

И мама согласилась.

Советы от Айви Патель:

Хотите сладкой жизни? Начинайте со сливочного масла – оно как любовь: без него ни тесто не замесишь, ни чувств не свариишь. Комочки – это не ошибка, а характер. Мой, например, довёл Сета до того, что он порвал моё первое авторское платье. А потом три дня подряд заказывал частный самолёт, чтобы свежие бриоши от Роже доставляли мне прямоком из Биаррица в Лондон. Но если хочется быстрых результатов – кусайтесь.

Десерт: «Манговый принц»

Ингредиенты: мешочек упрямства (чем больше, тем лучше – никогда не переборщишь), щепотка фантазии (ну куда же без неё), один непослушный ребёнок (джентльменские манеры не предлагать), подросток (добавить по вкусу, но осторожно), розовая ваниль (для подкормки бабочек в животе), разбитая коленка (не специально).

Как только мы переехали в Лондон, родители тут же закатали званый ужин. А мне, честно говоря, было не до торжеств. Я скучала по морю, по французским одноклассникам, по дому, где по утрам в мою комнату заглядывали солнечные лучи. А тут – серое небо, бесконечный дождь и какое-то всеобщее уныние. Ну ладно, не всё так плохо: в Лондоне тоже были свои плюсы.

И этим плюсом был Алфи – он хоть как-то спасал меня от скуки, пока родители спорили, в какую частную школу меня определить. Мама настаивала на Хаммерсмите, папа – на Бекингемшире (там, кстати, учился сам Алфи). В итоге победила мама... или, точнее, моё желание заниматься искусством.

Сета я почти не видела. Он редко приезжал – закрытая школа, бесконечная учёба. А если и выдавались каникулы, то всё свободное время он проводил в отцовском офисе, постигая науку управления бизнесом. Ну а мы с Алфи тем временем всю наслаждались английской жизнью. Я была частым гостем в их Хэмпстедском особняке. Дом в георгианском стиле, конечно, не шёл ни в какое сравнение с нашим таунхаусом на *Чейн-Гарденс*. Но мой отец обожал жить в Челси – за доступность, скорость, возможности. И, конечно, за время, которое он терпеть не мог тратить попусту.

Все выходные я проводила у Эвансов, играя с Алфи и его друзьями – Харли и Артуром – в супергероев. Моя роль, конечно, сводилась к «принеси-подай», но хоть какое-то развлечение. А потом начинался настоящий ад...

Пять утра. Подъём. Чистка зубов (иногда «забывалась»). Причёска от няни. Выговор от мамы за ворчание. Завтрак. Школа (иногда меня отвозил отец, иногда мамин водитель).

Первый урок – литература (скучно). Второй – экономика (очень скучно). Третий – математика (сойдёт). И четвёртый – искусство (обожаю).

Вечером – быстрый поцелуй маме в щёку и марш на дополнительные занятия (до сих пор не понимаю, зачем они были нужны).

Однажды, едва выбравшись из кабинета отца после урока французского – уставшая и мечтающая лишь о том, чтобы проснуться и обнаружить, что сегодня выходной, – я услышала от мамы «радостную» новость:

– Завтра едем на семейный ужин к Эвансам! У миссис Фет день рождения.

Школу разрешили пропустить (ура). Но вот домашние занятия – ни за что (ну, конечно).

На следующий день всё пошло наперекосяк с самого начала. Вместо нормальных косичек мама умудрилась сделать мне два дурацких хвостика с красными бантами (ненавижу хвостики). И это оказалось ещё не самое страшное.

Потом пришла она. Лепка.

Моя учительница – донья Аурора Каталина Эспехо Рио (да, именно так полностью, иначе она просто не отзывалась) – пахла так, будто её духи перебродили вместе с её любимым камамбером (терпеть не могу этот сыр с тех самых десяти лет).

– Слепите вазу – пойдёте на ужин, – объявила она утром, сунув мне в руки ком глины. – Не справитесь – будете лепить всю неделю.

Разумеется, у меня ничего не вышло.

– Обезьяна слепила бы лучше, юная леди! – фыркнула она, разглядывая моё «творение» с видом эксперта по керамическим катастрофам.

Что ж... Я слепила обезьяну.

Точный её портрет. Со всеми морщинками, презрительно поджатыми губами и с вечным выражением лица – «вы бездарность».

Не люблю, когда мне указывают... Это так, к слову.

Папа меня поддержал (тихо посмеялся и сказал: «Гениально»). Мама же фыркала всю дорогу до особняка Эвансов.

Хорошо, что со мной был Мистер Жираф – моя первая мягкая игрушка, с которой я до сих пор не расстаюсь (Сет знает: один его косой взгляд в сторону Мистера – и он неделю на «ночной» диете).